

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗОЛотоВА

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ/БЕЗЛИЧНОСТИ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(Russian Linguistics, Vol.24, July 2000. pp. 103-115)

Хотя привычка к принятому и не свыше нам дана, все же нередко она оказывается подменой знания или камнем преткновения на пути к знанию.

Стоит обсудить два способа изучения грамматических реалий.

Школа приучила в "разборе предложений" "танцевать от печки" – от существительного в именительном падеже. Есть такое – значит, оно и подлежащее, нет его – значит, предложение бесподлежащее, односоставное (правда, относительно "номинативных" нет до сих пор согласия, подлежащее или сказуемое представлено единственным именем). Категориальные значения как подлежащего, так и сказуемого и другие возможные способы их оформления в расчет не принимались.

Создавались правила игры, по которым мы как бы расшифровывали неизвестные письма. Что видим – опознали по заданному признаку, а что оно выражает – этого мы как бы еще не знаем.

Для тех, кто принял эти правила и о семантике узнал после Морриса, так формировался путь к языку "от исследователя".

Между тем речь идет о живом языке, на котором мы говорим. И путь говорящего - от выражаемого смысла к воплощающей его структуре. Слушающий тоже не думает о подлежащем и сказуемом, его задача – понять смысл. Может быть, и для исследователя более естественно идти от категориального смысла?

В речевом процессе предложение не выдается порционно (сначала структурная схема, затем семантическая структура, как в Академической грамматике), облечение смысла в форму является нам в готовом результате: в материальном единстве знака и его значения и состоит феномен языка. Поэтому вопрос не в очередности изучения "плана содержания" и "плана выражения", а в их сущностной значимости. И внутриязыковая синонимия, и межъязыковые переводы подтверждают, что типовое содержание (семантическая структура) предложения – величина постоянная, первичная, оформление его – величина переменная, с возможной вариативностью (ср. *В долине тихо; В долине тишина; Долина в мертвой тишине – Пушкин*).

Очевидно, что семантическая, или смысловая, структура предложения держится на сопряжении предикативного признака с именем его носителя. Эти компоненты, составляющие основу, предикативный минимум предложения, могут предстать в разном, но всегда взаимнообусловленном оформлении, и взаимные роли их остаются неизменными. Из этого следует, что в обсуждении синтаксических проблем решающий голос не принадлежит морфологии.

Это понимали думающие языковеды и педагоги еще во второй половине XIX века, когда на страницах научной печати сравнивали пары предложений: *Я нездоров – Мне нездоровится. Мы в трауре – У нас траур. Письма пришли – Писем не пришло и под.*, недоумевая по поводу трактовки их учебниками как подлежащих и бесподлежащих (об этом см. Виноградов 1958).

Разумеется, слово, терминологическая номинация, закрепляющие познание, конвенциональны, но менее удачны, если термин противоречит сути явления.

Вся эта преамбула должна объяснить, почему остается дискуссионным один из узловых пунктов классификации русского предложения – проблема личности-безличности, в чем причины накопившихся разногласий и какими могут быть пути их преодоления.

Итак, предложения типа

(а) *Не работается. Больную знобит, Обидно, Детям весело, Её укачало в машине,*

(б) *Морозит, Морозно, Темнеет, За окном темно, На улице людно*

трактуются грамматиками как безличные, односоставные. Чем, какими сущностными признаками мотивированы эти номинации?

Один из учебников поясняет: тем, что в них нет субъекта действия. Но в них нет и действия. Все эти предложения сообщают не о действии, а о состоянии. Но если у действия должен быть по природе вещей производитель, агенс, то у состояния должен быть носитель, субъект состояния. Состояние – это признак, состоянием характеризуется его носитель. В этом гносеологическая суть предложения.

Есть ли субъект состояния в "безличных" предложениях? Несомненно. В примерах группы (а) говорится о состоянии лица, личном душевном или физическом состоянии, которое вне лица, человека, непредставимо. И это лицо, субъект предложений, выражается определенными средствами – именем лица в дат. или винит, падеже. В примерах группы (б) говорится о состоянии среды, места, природы. И этот – не-личный, предметно-пространственный – субъект – носитель состояния выражается определенными средствами с локативным значением.

Предложение как речемыслительный акт не может состояться без приписывания признака его носителю, иными словами – без соотнесения возникающего смысла с действительностью – в категориях времени, модальности и лица. Ср.: *Детям весело, Детям было весело, будет весело, было бы весело... Мне весело. Тебе весело, Ему, ей, нам, вам, им весело... Мне, тебе, ей нездоровится, нездоровилось...; На улице шумно, было шумно, будет, было бы шумно* и т.д.

Именование глаголов типа (а) *знобит, лихорадит, тошнит, мутит*, а также (б) *морозит, смеркается, светает* и под. "безличными" оправдано отсутствием у них парадигмы лица (как и числа), их положением вне морфологической парадигмы. Но свое существование они реализуют только в предикативном сопряжении в категориях времени и модальности с именем субъекта-носителя названного признака: сема лица содержится в самом лексическом значении глаголов группы (а) и сема места-пространства в глаголах группы (б). Глаголы группы (а) преодолевают "безличность" синтаксически: личная парадигма их воссоздается в предикативном сочетании: *Меня тошнит, мутит, лихорадит, Тебя тошнит, Его, её, нас, вас, их тошнит, мутит, лихорадит*. Лексико-морфологический признак "безличности" глаголов оборачивается синтаксическим признаком личности.

Глаголы группы (б) также формируют двусоставное предложение с локус-подлежащим, уже не "безличное", но ограниченное рамками 3 лица и "неличности" субъекта. Точнее было бы назвать предложения группы (б) неличными.

Ю.С. Степанов (1981, 149) по поводу общепринятого термина писал: "весьма неточный, не поддающийся обоснованию термин "безличные"...". Он же назвал предложения группы (б) локус-предложениями.

Как бы промежуточное положение между (а) и (б) занимают модели, во-первых, общезыковая с комплексным обозначением личного субъекта двумя синтаксемами, соотносящимися семантически как целое и его часть, в которой локализуется состояние, но не вступающими в синтаксическую связь (*У неё в боку колет, У него в глазах потемнело, Мне уши заложило*). Разные взгляды на характер синтаксической связи в подобных предложениях обсуждались в работах Мгагек, Вгуг (1962, 10), Апресян (1967, 159-161), Золотова (1973, 311-312).

Во-вторых, модель индивидуально-авторская, с метафорическим заполнением позиции личного субъекта субъектом предметно-пространственным. Вот несколько излюбленных метафор Б. Пастернака:

*Лука мутило жаром лиловатым...
Этой ночью за парком знобило трясину...
У земли потемнело в глазах...*

Ср.: *Природу мутит... Сыро, холодно и жутко* (Чехов).

Сказанное позволяет утверждать, что приведенные предложения представляют тип двусоставных моделей личных - группа (а) - и неличных, локативно-субъектных - группа (б).

Кроме отсутствия подлежащего в именительном падеже поводом для присвоения рассмотренным предложениям признака "односоставность" служит, разумеется, тот факт, что в конкретных текстах они представлены нередко одним сказуемым: *Грустно, Нина...* (Пушкин); *Где пьётся, там и поётся* (Даль); *Темнеет... Комната пуста* (И. Анненский); *Было чуть-чуть морозно, холодило щёки* (А.Н. Толстой).

Нетрудно встретить в литературе примеры, где при тех же сказуемых эксплицированы их подлежащие; ср.: *И скучно, и грустно* (Лермонтов); *Мне грустно и легко* (Пушкин); *Вот уже жарко стало* (Тургенев); *Жарко мне стало, расстегнул я ворот, лёг* (А. Тарковский); *Свежо, весело, любо!* (Тургенев); *Любо весной человеку* (Некрасов); *Сладко спится на майской заре* (Окуджава); *Мне не спалось* (Бунин); *Я буду петь, пока поётся* (Лермонтов).

Если задаться вопросом: какие системные отношения между парами предложений? одна и та же это модель или разные? – думаю, что сомнения отпадают, поскольку условием понимания их остается отнесенность к субъекту: с именованным подлежащим перед нами модель в полном виде, с неименованным – неполная реализация той же модели. Из самого предложения или из контекста ясно, относится ли названный предикативный признак к лицу (чаще к 1-му) или к локусу.

Возникает и второй вопрос: существуют ли условия, правила, позволяющие употреблять эти предложения без субъекта? Ответ и здесь подсказывается материалом.

Состояние лица обычно – это состояние говорящего, оно воспринимается "изнутри", обозначение субъекта здесь не обязательно, как и в так наз. определенно-личных предложениях (*Брожу, не спится*, А.Н. Толстой). В диалогической речи может быть опущен и субъект второго лица, адресат; ср.: *Не спится, Владимир Михайлович? – спросил он мягким и тихим голосом. – Не спится, господин капитан. – ... И мне тоже не спится* (Гаршин).

Сопоставление (как в последнем предложении) или противопоставление субъектов делает необходимым их именование: *Мне грустно потому, что весело тебе* (Лермонтов). Называется субъект и в сообщении о третьих лицах: *Не пелось ему ещё так никогда* (А.К. Толстой); *Всем было весело и легко* (Чехов); *Жутко ему стало, Ермилу-то псарю* (Тургенев).

И неназванный, и названный инволютивный субъект может восприниматься, соответственно характеру контекста, как определенный, неопределенно-личный или обобщенно-личный:

Мне грустно и легко. Печаль моя светла... (Пушкин); *Весело поётся, весело и прядётся* (фольклор); *Сладко спится на майской заре* (Окуджава); *Грустно в нашем саду* (Пастернак); *Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлется* (Тургенев).

Совмещение признаков "безличности", личности и обобщенноличности, особенно наглядное в последнем примере, показывает нерядоположность "типов предложения" в традиционной классификации, отсутствие в ней единых критериев деления.

Неназванность субъекта в локус-предложениях обычна при условии наблюдения признака в хронотопе происходящего, в дейктических координатах *я-здесь-сейчас*: *Ещё свежо,*

но уже чувствуется близость жары (Тургенев); *Тротуары в бегущих. Смеркается* (Пастернак); *Темно, потому что ночь* (О. Смирнов).

Чаще место – носитель предикативного признака обозначается локативным наречием (в составе той же модели или соседней) или конкретизируется предложно-именной синтаксемой: *Мрачно и сыро вокруг* (Н. Минский); *Снег белеет кругом по колено. Так морозно, светло и бело!* (Блок); *Избушка топилась по-чёрному, я затопил печь, и сразу стало дымно* (Ю. Казаков, ср.: *В избушке стало дымно*); *В лесу было тихо* (Паустовский); *В воздухе тихо, но холодно и так пасмурно...* (Чехов); *Я всё забыл. В окне ещё светло* (А. Тарковский); *Над головой погромыхивало, урчало* (Ф. Абрамов); *Чу, за тучей прогремело* (Тютчев); *И холодно и низко в мезонине* (Бунин).

Локативный субъект, как и личный, становится обязательным в случае сопоставления или противопоставления разных локусов: *Мороз и ночь над далью снежной. А здесь уютно и тепло* (Фет); *Тихо в комнате просторной, А за окнами мороз* (А. Ахматова); *На дворе ночь и метелица... Но в барском доме светло, тепло и уютно* (Салтыков-Щедрин).

Привлекает внимание синтаксическая синонимия признаков слов из категории состояния, глаголов состояния и отвлеченных имен (ср.: *мороз – морозно, метелица – метёт, уютно – уют, тихо – тишина*), подтверждающая правомерность понимания и "номинативных" предложений как двусоставных моделей либо с локативным подлежащим, либо с личным или как бесподлежащих неполных их реализаций: *У детей грипп – Грипп; У студентов каникулы – Каникулы*.

В литературе выдвигалось объяснение односоставности "безличных" предложений их семантической насыщенностью, самодостаточностью. Материал показывает, что текстовую "односоставность", неназванность субъекта, допускают только условия определенного коммуникативного типа речи (регистра) – репродуктивного, когда сообщается о состоянии (лица или среды), непосредственно воспринимаемом говорящим. Как только возникает смысловая необходимость отнести называемый признак к иному лицу, к иному месту, имя соответствующего субъекта, в соответствующей форме, занимает свое законное место в препозиции (разумеется, позиция может изменяться по требованиям темо-рематической или ритмической организации данного текста).

Время, отделяющее нас от пытливых русистов XIX века, не прошло для лингвистики даром. Тогда дискуссию удалось прикрыть авторитарным напоминанием, что подлежащее – по определению – является именем в именительном падеже, а на нет и суда нет.

Теперь нам прибавились в качестве аргументов современные представления: (1) о гносеологической сути рече-мыслительного акта, (2) о соотношении языка, системы - и речи, текста, (3) о коммуникативных типах (регистрах) речи, (4) о соотношении критериев морфологии и синтаксиса в решении структурно-семантических вопросов.

Добавим некоторые соображения об отношении синтаксиса предложения и синтаксиса слова.

Преданные идее глагольного господства специалисты вербоцентрической ориентации видят в предложении только глагольный предикат и его актанты, не замечая качественной разницы в отношениях предиката с субъектом и объектом, не считаясь с различиями в собственных потенциях "актантов", пренебрегая многообразными моделями, не нуждающимися в глаголе.

Достаточно напомнить, что между субъектом и предикатом (в том числе и неглагольным) и возникают предикативные отношения, формирующие модель предложения и реализующиеся в категориях времени, модальности и лица, тогда как между глаголом и объектом действия нет предикативных отношений, объект – распространитель глагольного слова.

Различия в субъектной и объектной связи подтверждаются и синтагматическими корреляциями при повторной номинации:

*Я работаю, Мне работается – Моя работа
Я рассказываю тебе – Мой рассказ (не: твой)
Я вспоминаю тебя – Мои воспоминания (не: твои)
Тебе жалко их – Твоя жалость (не: их)
Её знобит – Её озноб
Ей нездоровится – Её нездоровье
Ты упрекаешь меня – Твои упреки
Тебя упрекают – (не: твои упреки).*

Эксперимент выявляет субъектный характер именного компонента в одних примерах и объектный – в других.

Возможен и пятый аргумент – из области истории синтаксиса. Работы историков русского языка и теоретиков языкознания представляют гипотезу о тенденции к развитию в типологии предложения оппозиции двух классов синтаксических моделей: с личным субъектом активного действия, закрепившимся в именит, падеже, и с субъектом не-действия, в формах косвенных падежей (ссылки в статье Золотова 1986,513-514).

В чем же грамматическая специфика рассматриваемых предложений, если это не свойство "безличности"? Сопоставим сходства и различия между моделями:

*(1) Я (не) пою (2) Мне (не) поётся
(3) Я (не) сплю (4) Мне (не) спится*

Предложения (1) и (3) противопоставлены лексически как сообщения о действии и о состоянии. Предложение (2) приобретает конструктивно-семантическое значение произвольного состояния. Действие, как правило, активно и зависит от воли субъекта. Состояние (3) может быть и произвольным (Я не сплю, потому что надо закончить работу), но состояние (4) маркировано как произвольное, инволютивное. Таким образом, примеры (2), (3), (4) объединены значением состояния, но (2) и (4) – значением состояния инволютивного, маркированность которого выражается структурно-семантически. Маркированность инволютивного состояния и есть грамматическое значение так называемых безличных предложений, которые поэтому целесообразно и называть инволютивными.

Дополним эту характеристику анализом еще нескольких моделей. Похожую оппозицию создают пары трехкомпонентных предложений с ментальными глаголами восприятия: *Он вспомнил школу – Ему вспомнилась школа*. Субъект восприятия (подлежащее) оформлен именительным падежом в исходной модели и дательным в ее модификации. Если в первом примере восприятие может быть и произвольным и произвольным, то во втором маркирована произвольность, инволютивность.

В таких же парах представлена специфическая русская модель с субъектом – стихийным каузатом: *(1) Волны унесли весло – Волнами унесло весло; ср.: Дед унёс спички (не: Дедом унесло...), (2) Ветер сломал берёзку – Ветром сломало берёзку; ср.: Прохожий сломал берёзку (не: Прохожим сломало...); (3) Осколок задел плечо – Осколком задело плечо; ср.: Прохожий задел плечо (не: Прохожим задело...)*. Традиционное обнаружение здесь, как и в предыдущем примере, односоставной, безличной, и двусоставной моделей не содержит никакой значимой информации. Состав предложений аналогичен: стихийный каузатом – произвольное воздействие – объект воздействия. Если заменить стихийный субъект личным, действие сломал, унёс может быть и произвольным, намеренным, и произвольным, нечаянным.

При стихийном каузатоме инволютивность объединяет оба синонимических варианта, но во втором она маркирована. Эти дистинктивные оттенки значений синонимических партнеров используются в текстах для создания эффекта активизации, персонализации стихийной силы.

Поскольку способ воздействия стихийных сил ограничен, имя каузатора нередко оказывается избыточным: *залило подвал* – ясно, что водой; *занесло, замело дорогу* – снегом; не сёт, кружит сухие листья – ветром и т.д.: *Вьюга мне сплывает очи. Все дороги занесло* (Пушкин); *Байкал к утру здорово раскачало* (Шукшин).

Разновидность модели со стихийным каузатором можно видеть в предложениях, сохраняющих, по-видимому, давние следы мифологического мировосприятия. Личный субъект инволютивного состояния в вин. или дат. падеже предстает в них объектом благоприятного или неблагоприятного воздействия какой-то "неведомой силы", судьбы, рока, обстоятельств. Именование этой силы делексикализовано или фразеологизировано и почти равно употреблению безлично-модальных глаголов узкого круга, реализующихся в сочетании с инфинитивом или девербативом. Далекая от современного сознания связь с "нечистой силой" трансформировалась в этих высказываниях в иронично-негативную оценку происходящего или постфактумную самооценку. Приведем примеры с названным и неназванным неведомым "каузатором":

<i>Неволью к этим грустным берегам Меня влечёт неведомая сила (Пушкин); Куда тебя леший несёт? (Мокиенко); Куда кривая вынесет (Телия-Ковшова); Ну, вот и опять дёрнул меня чёрт за язык (Шолохов); Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять (Тургенев)</i>	<i>Весной и счастливых тянет вдаль (Тургенев); Куда тебя несёт! (Мокиенко); Куда вывезет! (Телия-Ковшова); Дёрнуло меня с ним связаться (Ушаков); И дёрнуло ж вас днём на боковую (Пастернак).</i>
--	---

Каузативная конструкция, полипредикативная по природе, характеризуется двойственной ролью личного компонента: объект воздействия, он становится субъектом каузированного изменения. С дисквалификацией или элиминацией "каузатора" в предложении остается один личный субъект в форме вин. падежа, соответствующей его функции носителя инволютивного признака, в сообщении о невольном, нерациональном действии или состоянии лица, экспрессивно оцениваемом говорящим.

Выраженность или невыраженность, семантическая ослабленность позиции "каузатора" мнимого субъекта действия ставит парные предложения, здесь и выше рассмотренные, в синонимические отношения при общем, инвариантном значении инволютивности.

Возникает аналогия и с синтаксическими явлениями западноевропейских языков. Можно было бы увидеть в отношении русских лингвистов к проблеме "безличных" предложений подтверждение национальной черты, которую А. Вежбицка вслед за Е. Евтушенко называет "притерпелостью", если бы не было в других странах к своим "безличным" отношения подобно.

Предложения с "пустым подлежащим" *es, it, il, ça* известны немецкому, английскому, французскому языкам, и в них тоже есть варианты *Es friert mich* и *Mich friert*. И если принято в грамматиках считать *es, il* "мистическое *it*" (по слову Ван Холка) подлежащими, это не значит, что существует какое-то *es* или *it*, которое производит действие *dunkelt* или *rains*. Носителем признака остается личный субъект *mich* либо предметно-пространственный *draußen* и под.

Не адекватнее ли будет квалификация словечек *es, it, il* как аналитических синтактико-морфологических средств, соответственно русскому внепарадигмному глагольному

форманту 3 л. ед. ч. или ср. рода прош. вр.. сигнализирующему неакциональность. инволюнтность предикативного признака личного или локативного субъекта?

Можно вывести такое заключение, что русский язык не отличается наличием особых односоставных безличных структур, но в рамках двусоставных предложений во всех упомянутых языках универсально различаются предикативные значения действия, акциональные, и неакциональные, инволюнтивные. Русскому языку, по-видимому, свойственно большее разнообразие, конструктивное, смысловое и экспрессивно-оценочное, оттенков инволюнтивности, из которых выбирает нужное говорящий согласно своим коммуникативным потребностям.

Общая картина русских предложений в отношении к инволюнтивности может быть схематизирована в следующей таблице:

Таблица. Предложения, соотносительные по признаку инволюнтивности.

Типы предложений	Немаркированные по инволюнтивности		Маркированные по инволюнтивности	
	С названным субъектом	С неназванным субъектом	С названным субъектом	С неназванным субъектом
1. С личным субъектом	Я пою, играю Я слышу шаги Я скучаю	Пою, играю Слышу шаги Скучаю	Мне не поётся Мне слышатся шаги Мне скучно	Не поётся Слышатся шаги Скучно
2. С неличным субъектом				
(а) локативным (предметно-пространств.)	Двор шумный	—	Во дворе шумно	Шумно
(б) стихийным каузатором	Ветер сорвал крышу	—	Ветром сорвало крышу	Сорвало крышу
(в) стихийно-мифологическим каузатором	Какая нелёгкая тебя принесла?	—	Каким ветром тебя занесло?	Принесло не вовремя!

Итак, "безличные", а точнее инволюнтивные предложения среди моделей русского синтаксиса занимают системное место в сопоставленных и противопоставленных рядах по различительным признакам акциональности/неакциональности, личности/неличности, волюнтивности/инволюнтивности, названности/значимой неназванности субъекта, совпадения/несовпадения субъекта речи и субъекта состояния, маркированности/немаркированности тех или иных признаков, монопредикативности/полипредикативности, экспрессивной окрашенности и коммуникативно-текстовых функций.

Нельзя не согласиться с Т.В. Булыгиной (1997, 489), что умозаключения А. Вежбицкой о пассивности русского национального характера, склонности к фатализму и смирению, выводимые из того факта, что русскому языку свойственны "безличные" предложения, - поверхностны, не подтверждаются ни анализом безличных предложений в системе языка, ни логикой рассуждения.

Разнообразие "безличных" моделей, существующих наряду с личными, не говорит ли, напротив, о богатстве смысловых и выразительных оттенков, различий в выражении состояния, эмоций, о яркой гамме модальных и межличностных отношений, представленных в семантическом пространстве русского синтаксиса? Перед говорящим – осознанный или интуитивный, – но выбор из множества средств. Там, где выбор, возможность и необходимость выбора, - там требуется и обнаруживается речемыслительная активность говорящего; Кстати, и русские поговорки отражают эту необходимость выбирать предпочтительный и целесообразный

ный в разных обстоятельствах способ действия: *Где вброд, а где и вплавь. Когда скоком, а когда и боком* (Даль).

И если "английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем, даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения" (Вежбицкая 1996, 56), – если бы это было справедливо, – такая характеристика языка, подобным образом модифицирующего, обедняющего и сковывающего человеческие проявления, могла бы вызвать сочувствие к его носителям.

Когда *знобит, лихорадит, мутит* носителя не русского языка, а другого, означает ли это, что тот существует в более познаваемом, контролируемом и рациональном мире и что у него нет способа сказать о своем инволютивном состоянии?

Если в "Капитанской дочке" "дорожный" человек (Пугачев) советует "переждать, авось буран утихнет да небо прояснится", значит ли это, что при нерусском способе мышления говорящий не выразит надежды на улучшение погоды, а станет силами разума и логики подчинять силы бурана?

Тот факт, что в русском языке сосуществуют две конструкции со значением стихийной каузации *Его убило молнией* и *Его убила молния*, свидетельствует не о том, что русской культуре свойственно представлять мир как не поддающийся человеческому разумению, а о том, что русский язык различает маркированную и немаркированную стихийность воздействия, во втором случае придающий каузатору некоторый выразительный оттенок как бы персонифицированности, если это нужно говорящему.

Этот же пример подтверждает, что агентивность, активность или "инволивность, бесконтрольность" субъекта не определяется именит. падежом (ср.: *Его убила молния – Его убила мафия*).

Привычный морфологический подход к грамматике помешал А. Вежбицкой объективнее распознать онтологическую природу явлений, о которых человек говорит: ведь активность, целеустремленность, волюнтивность – свойства личного действия, но не состояния, а "безличные" предложения созданы языком для выражения состояния, и неоправданно требовать от них несвойственных им признаков. Признаки же действия обнаруживаются в слове не потому, что оно – глагол, а там и тогда, где глагол имеет акциональное значение. Глаголы скучать, грустить, тревожиться не противостоят "предикативным наречиям" скучно, грустно, тревожно как названия эмоций активных и контролируемых пассивным, неволивным, бесконтрольным. И то и другое – названия личных состояний инволютивных. а степень самоконтроля зависит от индивидуальных качеств личности. Можно вспомнить хрестоматийную строку Лермонтова *Мне грустно потому, что весело тебе*, достаточно аналитично констатирующую состояние говорящего.

Водораздел между волюнтивностью и инволютивностью проходит не между национальными характерами и не между глаголом и неглагольными частями речи, но между семантико-синтаксическими подклассами слов. Сказанное не означает отрицания особенностей национальных характеров, но это комплексная проблема, ее нельзя решать столь упрощенно.

В статье, написанной с целью подтвердить выводы А. Вежбицкой о языковых свидетельствах иррациональности, неагентивности русского национального характера, неконтролируемости действий, Анна А. Зализняк и И.Б. Левонтина (1996) своим тонким анализом многих (хотя и не всех) слагаемых семантики нескольких безличных глаголов (*удалось, привелось, посчастливилось, угораздило* и некот. под.) доказывают, как представляется, обратное: авторы выявляют разнообразные оттенки отношения говорящего к происходящему, сильный элемент оценочности, положительной или отрицательной, иронию, неодобрение, "градуированность соответствия полученного результата ожидаемому", "элементы интерпретации", даже "аналитической деятельности говорящего субъекта, экспликации процесса умо-

заклучения". Всеми этими наблюдениями авторы удостоверяют энергический, деятельный характер многогранного речеыслительного процесса, своего и других, говорящих по-русски.

Если предначертанность, упрежденность или власть грамматической привычки не сковывают исследовательскую мысль, система русского предложения остается открытой для еще многих содержательных поисков и находок.